ВЕДОМСТВО НЕЗВАНЫХ ГОСТЕЙ

Книга первая

Бухарин Данил

Ведомство незваных гостей

«Автор»
2026

Данил Б.

Ведомство незваных гостей / Б. Данил — «Автор», 2026

Аудитор Вера Лаврова уснула над годовым отчётом, а проснулась в сугробе у заставы сказочного Заречья. Здесь на дворе Масленица, домовые требуют каши, а люди и нечисть сто лет живут по Мирному ряду.Веру принимают за столичного писаря и сажают в Приказ мирных дел, к угрюмому дьяку Ярославу, который чует ложь носом. А на Торгу находят мёртвым купца, опутанного пряжей. Весь посад уверен: это кикимора с болота. Если до заката Прощёного воскресенья Приказ не назовёт убийцу, толпа сожжёт болото вместе с чучелом.В проклятия Вера не верит. Зато верит описям, распискам и тому, что цифры всегда выдают лжеца. У неё три дня, чтобы провести самую странную инвентаризацию в жизни, найти убийцу среди тех, кто не лжёт, но и всей правды не говорит, и не выдать, откуда она сама.Уютный фэнтези-детектив с иронией, блинами и домовыми.

© Данил Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Несходящийся баланс 6
Глава 2. Приказ мирных дел 9
Глава 3. Лакомка 13
Глава 4. Разгуляй 16
Глава 5. Опись 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Бухарин Данил
Ведомство незваных гостей

Ведомство незваных гостей
Книга первая

Глава 1. Несходящийся баланс

В два часа ночи баланс ООО «Заречье» не сходился на одну копейку.

Вера Лаврова смотрела на эту копейку так, как другие женщины смотрят на бывшего, который пишет «не спишь?». С подозрением, усталостью и смутной уверенностью, что за ней тянется что-то большее.

В офисе на Молодогвардейской давно выключили отопление, потому что управляющая компания считала, что ночью люди не работают. Управляющая компания никогда не сдавала годовую отчётность. Вера сидела в пуховике, пила третий растворимый кофе из кружки с надписью «Лучший сотрудник квартала» и думала, что квартал, видимо, выдался неудачный.

У «Заречья» были странные бумаги. Компания торговала льном, что уже было странно для двадцать первого века. Директор подписывался чернилами, а в кассовой книге встречались статьи расходов, над которыми Вера долго сомневалась, смеяться или нет: «Молоко соседу (ежедневно)», «Возмещение ущерба лесу», «Дань воде — 3 шт.». Приложенные чеки придраться не давали: их просто не было.

— Дань воде, — сказала Вера в тишину офиса. — Три штуки. Чего, спрашивается, штуки?

Тишина не ответила. Она вообще была неразговорчива, за что Вера её и ценила. Люди вечно чего-то хотели: начальник — сдать аудит к пятнице, мама — внуков к пенсии, клиенты — чтобы она не замечала то, что она замечала всегда. Цифры ничего не хотели. Они либо сходились, либо честно показывали, где врут.

Копейка пряталась в строке «Прочие обязательства перед контрагентами». Контрагент был один, без ИНН, и назывался коротко: «Ряд». Договор с ним был заключён, если верить реестру, сто лет назад. Долг по нему рос каждый год, и кто-то аккуратно, копеечка в копеечку, прятал этот рост по другим статьям. Аккуратно — но не до конца.

Вера улыбнулась. Вот за это она и любила свою работу: кто бы и что бы ни прятал, в конце всегда оставалась копейка.

Она потянулась за жёлтым стикером, чтобы написать на нём «РЯД — КТО??», и поняла, что рука её не слушается. Цифры на мониторе поплыли, закрутились и сложились во что-то похожее на узор с наличника. Из вентиляции потянуло холодом, дымом и блинами.

«Пять минут, — решила Вера, кладя голову на папку с первичкой. — Пять минут, и я вас найду».

Последнее, что она услышала, был стук, довольный и деревянный, будто кто-то закрыл огромную счётную книгу.

* * *

Первой мыслью было: управляющая компания переусердствовала.

Холод был не офисный, вялый, а настоящий, зимний. Он забирался за воротник и деловито щипал за уши. Вера открыла глаза и увидела небо, высокое и белёсое, как чистый лист формата А4. По небу плыл дым, и пахло именно так, как недавно из вентиляции: берёзовыми дровами и блинами.

Она лежала в сугробе. В пуховике, джинсах и офисных ботильонах, крепко прижимая к груди папку с первичкой ООО «Заречье». Даже во сне она не выпускала документы. Начальник бы оценил.

Вера села. Вокруг лежало поле, за ним тёмной стеной стоял лес. В другую сторону уходила дорога, и кто-то укатал её полозьями до блеска. Дорога упиралась в бревенчатые ворота с крышей, а за воротами торчали маковки церкви и сотня дымных труб. Ни одного фонаря, ни одного провода.

Телефон бодро показал три процента заряда и надпись «Нет сети». Вера посмотрела на него с укором. От телефона она ждала большего патриотизма.

— Сударыня! Эй, сударыня! Живая?

По дороге бежал парень лет семнадцати: рыжий, веснушчатый, в тулупе с чужого плеча и в шапке, съехавшей на одно ухо. Бежал он так, словно сам не понимал, чего хочет больше: добежать или удрать.

— Живая, — подтвердила Вера. — А вы кто?

Парень остановился в трёх шагах и оглядел её с головы до ног. На пуховике его взгляд застрял надолго, на джинсах и вовсе смущённо убежал в сторону. А потом он увидел папку — и лицо его просияло.

Из папки торчал угол договора на аудит. На углу синели круглая печать и роспись гендиректора, которое в офисе звали «кардиограммой».

— Печать, — выдохнул парень с благоговением. — Столичная. Вы писарь! Из Приказа! Ну наконец-то, сударыня, мы ж вас с Крещения ждём! Я Фома, подьячий. Меня и послали на заставу вас встречать. Каждый день хожу! А вы — в сугробе. Заблудились, что ли?

Вера открыла рот, чтобы сказать правду, и на секунду представила, как она звучит: «Я аудитор из Самары, уснула на работе, проснулась тут». И рот закрыла.

У неё было правило, проверенное восемью годами аудитов: *не понимаешь, как устроена компания, — не спорь, а собирай документы*.

— Заблудилась, — сказала она. — Фома, а какой сейчас год?

— Семь тыщ сто сорок второй от сотворения мира, — удивился Фома. — А что, в столице другой?

Вера просчитала в уме. От сотворения мира до Рождества Христова пять тысяч пятьсот восемь. Это она знала с того самого аудита церковной лавки при храме, где староста вёл учёт по старому стилю из принципа. Оставалась тысяча шестьсот тридцать четвёртый. Расчёт сошёлся с первого раза, и от этого стало совсем нехорошо.

— Тот же, — слабо сказала она. — Просто проверяю.

Фома помог ей встать, отряхнул снег с пуховика, с уважением пощупал ткань («Стёганая! Чем набита?»). Потом вдруг обернулся к лесу, снял шапку и очень серьёзно поклонился в пояс.

— Спасибо, Дедушка, что вывел!

Вера посмотрела туда же. На опушке никого не было, только одна ель стояла чуть ближе к дороге, чем остальные. Она была слишком высокая, слишком тёмная и как-то неправильно сутулая, словно старик в тулупе. Пока Вера смотрела, ель медленно кивнула верхушкой. Ветра не было.

— Это леший вас к дороге вывел, — буднично пояснил Фома, натягивая шапку. — Он чужих не любит. Раз вывел, значит, вы по делу. Поклонитесь, сударыня. Он запоминает, кто не кланяется.

Вера Викторовна Лаврова, дипломированный специалист с квалификационным аттестатом аудитора, посмотрела на ель. Потом на факт отсутствия ветра. И поклонилась.

* * *

У заставы скопились сани. Обоз из десятка возов, гружённых тюками под рогожей, упёрся в шлагбаум. У шлагбаума спорили двое. Один — стражник, бородатый и квадратный, как сундук, с дощечкой в руках. Второй — купец в лисьей шубе, краснолицый, громкий и, судя по всему, довольный жизнью даже сейчас.

— Савва Грязнов, — шепнул Фома. — Льном торгует. Первый купец на Торгу. Добрый, только скупой. А Ерёма счёту не учён, у него на дощечке зарубки.

Из спора Вера поняла следующее. С каждого гружёного воза полагался алтын, с порожних саней — полушка. Так было вырезано на доске у ворот, и доску эту, по всему видно, никто не читал лет десять. Ерёма насчитал десять возов и требовал десять алтын. Савва рычал, что

не десять, а девять, и сулил стражнику кары земные и небесные. Саней в обозе и правда стояло десять. Были правы оба.

Вера прошла вдоль обоза. Привычка всё считать самой сработала быстрее здравого смысла. Девять возов осели под тюками так, что лошади налегали в хомут. На десятых санях рогожа лежала горкой, но полозья едва проложили колею, и бурая лошадка скучала. Вера приподняла рогожу. Под ней лежали пустые мешки и чей-то тулуп.

— Девять гружёных и одни порожние, — сказала она. — Девять алтын и полушка. А вашу доску, уважаемый, надо бы подновить. У вас там слово «порожние» снегом залеплено.

Ерёма посмотрел на доску, потом на Веру, потом на папку с печатью. И вдруг снял шапку — совершенно так же, как Фома перед елью.

Савва Грязнов хохотал так, что с крыши заставы посыпался снег.

— Вот это глаз! — он отсчитал стражнику медь, не глядя, и повернулся к Вере. — Ты чья же будешь, счётная душа?

— Писарь в Приказ мирных дел, — гордо сообщил Фома, прежде чем Вера успела придумать ответ. — Из столицы!

Улыбка Саввы на миг погасла, и Вера не поняла, что за ней мелькнуло. Испуг? Надежда? Так смотрят на аудитора люди, у которых в столе лежит папка «исключительно для меня».

— Из Приказа, значит, — медленно повторил он. И снова засиял: — Ну, коли так, заходи в лавку, писарь. На Торгу, первая от колокольни. Блинами угощу и дело покажу. Дело там… по твоей части.

Он вскочил в сани, и обоз скрипнул в сторону города.

Дальше шли пешком. Фома говорил за двоих. За полверсты Вера узнала, что нынче Заигрыш, завтра Лакомка, а блины всю неделю пекут в каждом доме. Что воевода Глеб Старицкий боится нечисти, а племянник его Тихон вообще всего боится, кроме обеда. Что в Приказе живёт домовой Афанасий, и если не поставить ему каши, он прячет чернильницы. А ещё — и тут Фома понизил голос — что дьяк Ярослав Волков писарей не любит.

— Прошлый через три дня сбежал. А до него один вовсе на второй. Вы не бойтесь, он не кусается. Почти.

— Почти, — повторила Вера. — Фома, а почему меня ждали с Крещения? Это ж почти месяц.

— Так грамота пришла, что выехали. А вы всё не едете и не едете. Уж мы думали… — он смутился. — Ну, на тракте возок нашли. Пустой. В Глухом бору, у самого чёртова камня. И лошади нет, и сундуков, и писаря. Думали, сгинули вы. А вы вон — живая!

Он сиял так искренне, что Вера смогла только кивнуть. В голове у неё, как в таблице, сама собой сложилась новая строка. *Активы: чужая должность, чужое имя, ни одного документа. Обязательства: настоящий писарь, который либо мёртв, либо когда-нибудь доедет.*

Баланс не сходился.

Терем Приказа стоял на краю посада, серый от времени, с резным крыльцом и наличниками. Узор на них Вера уже где-то видела: сегодня ночью, на мониторе, в переплетении цифр. В верхнем окне стоял высокий человек и смотрел прямо на них.

— Дьяк, — шёпотом сказал Фома и почему-то снова снял шапку. — Уже знает, что вы пришли. Он чужих за версту чует.

Человек в окне не шевелился. И Вера, которая восемь лет спокойно выдерживала взгляды финансовых директоров, впервые в жизни почувствовала себя строчкой в чужом отчёте. Причём строчкой несходящейся.

Она перехватила папку поудобнее и поднялась на крыльцо.

Глава 2. Приказ мирных дел

Дьяк Ярослав Волков принял её в комнате, где не было ничего лишнего: стол, две лавки, печь и он сам. Вера сразу решила, что лишний тут именно он.

Он был высокий, под притолоку, в тёмном кафтане без украшений, и стоял спиной к окну, чтобы свет падал на неё, а не на него. Этот приём Вера знала: так же ставил свой стол финансовый директор одного тольяттинского завода. Завод потом передали прокуратуре.

Про себя Вера сразу окрестила его финдиректором. Слово «красивый» к нему не подходило, и это было даже досадно. Слишком резкие скулы, слишком светлые, почти жёлтые глаза. В волосах ранняя седина, словно иней. На Веру он не смотрел. Он её нюхал.

Не делал вид, не скрывал, а просто чуть повернул голову и втянул воздух, как собака у чужой калитки.

— Грамоту, — сказал он.

Вера положила на стол договор на аудит. Восемь страниц, прошитых, с печатью и двумя подписями. Худшего документа для XVII века придумать было нельзя. Лучшего у неё не было.

Ярослав переворачивал листы долго. Читать он умел, Вера видела по глазам. Просто не всё понимал.

— «Исполнитель обязуется провести проверку достоверности отчётности», — прочёл он вслух, медленно, как заклинание. — Какой отчётности?

И тут Вера совершила открытие. В голове у неё уже сложился удобный ответ, гладкий и пустой, из тех, что дают на собеседованиях. И ноздри дьяка дрогнули раньше, чем она открыла рот. Он не ждал ответа. Он ждал запаха.

Значит, врать нельзя. Хорошо. Восемь лет она писала заключения, в которых не было ни слова лжи и ни слова лишнего.

— Отчётности по торговле льном, — сказала она. — У торгового дома «Заречье». Там в книгах не сходится долг перед неким Рядом. Я его проверяла — и вот оказалась здесь.

Ярослав поднял глаза. Впервые по-настоящему.

— Ряд — это не «некий». Ряд у нас один.

— Тогда меня, наверное, к нему и прислали, — сказала Вера. И после паузы, честно: — Я не знаю, кто меня прислал. Заснула над книгами, проснулась у вашей заставы.

Дьяк долго молчал. Потом сложил договор, аккуратно, по сгибу, и протянул ей.

— Ты не лжёшь, — сказал он. — Но и правды ты не говоришь. Всю правду.

— Всю правду я и сама не знаю.

И это тоже была правда. Вера видела, как он её учуял, — и как ему это не понравилось.

Дверь распахнулась без стука. В комнату вкатился невысокий полный человек с масляными от блинов губами и самой радушной улыбкой, какую Вере доводилось видеть у главных бухгалтеров накануне проверки.

— Сударыня писарь! Даже не верится! Тихон Старицкий, старший подьячий, к вашим услугам. Место вам готово, как же, как же, с Крещения готово! Пожалуйте, пожалуйте…

Он подхватил её под локоть и повлёк по скрипучим сеням. В писарской стояли два стола. На одном лежала пыль, на другом — толстая книга в кожаном переплёте, и Вера по привычке потянулась прочесть надпись на корешке.

Тихон оказался у стола раньше неё. Для такого тучного человека — удивительно быстро.

— А это не извольте беспокоиться, — он прижал книгу к животу. — Это книга дани, скучнейшее дело. Я её сам веду, десять лет уже, ни одной помарки. А вам, сударыня, с дороги отдохнуть надо. Блинов покушать!

И унёс книгу с собой.

Вера смотрела ему вслед. Восемь лет опыта научили её простому правилу: когда человек говорит «ни одной помарки», надо смотреть не на помарки. Надо смотреть на итоги.

* * *

К полудню Вера разобрала стол. Под пылью нашлись чернильница, пучок гусиных перьев, ножик, песочница и стопка недописанных челобитных. Предыдущий писарь, судя по почерку, бежал посреди слова «бьёт челом», не дописав самого чела.

Вера разложила бумаги стопками: споры о земле, споры о скоте, жалобы на шум по ночам. Последняя стопка была самой толстой. Потом она расчертила лист на графы и придумала реестр входящих. Работа шла так хорошо, что она сама не заметила, как начала насвистывать.

В углу что-то упало.

Вера обернулась. На полу лежал валенок, старый, серый и очень маленький, детский. Только детей в Приказе не было. Она вернулась к реестру, обмакнула перо — и ткнула им в голую столешницу. Чернильницы не было.

Минуту назад она стояла справа от листа, и Вера помнила это точно, потому что сама её туда поставила. Она заглянула под стол, за стол, в карман пуховика. Чернильница исчезла с профессионализмом, который Вера при других обстоятельствах оценила бы.

— Фома!

Фома заглянул в дверь с блином в зубах, оценил валенок на полу и побледнел так, что веснушки стали казаться тёмными.

— Сударыня… Вы свистели?

— Наверное. А что?

— В доме не свистят! — шёпотом взвыл Фома так, будто она призналась в убийстве. — Домовой обидится! Свист — это ж нечисть звать, чужую, а своего — гнать. Да ещё и деньги высвистите. Афанасий Иваныч теперь неделю дуться будет. Он в таких делах строгий. Прошлый писарь тоже свистел. Вот он и сбежал.

— Из-за чернильницы?

— Из-за чернильницы, — печально подтвердил Фома. — И перьев. И сапог. И ещё он однажды проснулся в корыте.

Из-за печи донёсся кашель, сухой и очень довольный.

Вера долго смотрела на печь. Она не верила в домовых. Зато верила в причинно-следственные связи, а те выглядели так: свист — валенок — нет чернильницы.

— И как его… уладить? — спросила она, и фраза прозвучала так, будто речь шла о претензии клиента.

— Каши поставить, — оживился Фома. — Гречневой, с маслом. За печь, в левый угол. И попросить по форме: «Дедушка-соседушка, прими нашу кашу, не сердись». И не смотреть, как ест.

Составить формулировку извинения Вера умела. За восемь лет ей пришлось извиняться перед клиентами за слабости их же собственного учёта. Но перед печью ей извиняться ещё не доводилось.

Кашу сварил Фома. Вера поставила миску в левый угол за печью, произнесла формулу, добавила от себя «и приношу извинения за доставленные неудобства» и вернулась к столу. Не оборачиваясь. Это оказалось труднее, чем следовало бы.

За печью стукнула ложка. Потом ещё раз. Потом наступила пауза, и скрипучий голос, как у старого сундука, сказал в пространство:

— Соли мало.

Чернильница стояла на месте, справа от листа. Рядом с ней лежало новое перо, очиненное так идеально, как Вера не сумела бы никогда.

Она долго смотрела на перо. Потом взяла чистый лист и написала сверху аккуратным почерком отличницы: «ПРАВИЛА». И ниже: «1. В доме не свистеть. 2. Соли — больше».

Если этот мир держался на правилах, ей, возможно, даже понравится здесь работать.

* * *

Мирный ряд висел в сенях, в рамке под слюдой, как правила пожарной безопасности в самарском бизнес-центре. И читали его, судя по слою пыли, с той же частотой.

— Это список, — объяснил Фома, стирая слюду рукавом. — С подлинника. Подлинник дьяк в сундуке держит, под тремя замками. Он на бересте, рассыпаться может. А подписали его сто лет назад, на распутье, в купальскую ночь. С одной стороны посад, с другой — все хозяева: леший, водяной, болотные… Бабка Улита их свела. Знахарка была.

Вера читала договор так, как читала бы любой другой: сначала стороны, потом ответственность, потом всё остальное. Старославянские буквы сдавались не сразу, но сдавались. Фома помогал с азартом человека, который знает текст наизусть и наконец-то нашёл слушателя.

— Статья шестая, — прочла Вера. — «Аще нечисть человека убьёт ряду вопреки, изгнана будет с земель зареченских, а угодья её посаду отойдут». Фома, а угодья дорогие?

— У кого как. У лешего — весь бор, сосна корабельная. У водяного — река с мельницами. А у кикиморы — ничего, одно болото. Болото кому нужно.

Вера помолчала.

— Значит, если кого-то убьют и виноватой окажется нечисть, земля достанется людям. То есть людям выгодно, чтобы нечисть оказалась виноватой.

Фома моргнул.

— Так ведь… убивать никто не станет, сударыня. Грех же.

— Конечно, — сказала Вера. Она видела договоры, написанные с той же верой в людей, и знала, чем они обычно заканчиваются. — Дальше.

Статья седьмая была зеркальной: человека, убившего нечисть, выдают её роду. С восьмой вышло хуже. В середине списка расплылось бурое пятно, старое, как от пролитого сбитня, и под ним угадывалось лишь «о пришлых…».

— А восьмая про что?

— Да неважная она, — отмахнулся Фома. — Про приезжих что-то. К нам тут сто лет никто не приезжал. Вы вот девятую посмотрите, девятая важная!

Вера мысленно поставила возле восьмой статьи вопросительный знак. В аудите есть правило: когда тебе говорят «это неважно», это надо проверить. Но перед ней прыгал Фома, и она перешла к девятой.

«Всякую тяжбу Приказ разсудит в три дни. Аще не разсудит, стороны вольны рассудить сами».

— Это значит, — торжественно зашептал Фома, — что если дьяк не успеет, то люди с вилами пойдут, а нечисть — со всем, что у неё есть. А у неё есть много. Было такое однажды, ещё до меня. Деды не любят рассказывать.

— Процессуальный срок — три дня, — пробормотала Вера. — Весело.

Последняя, десятая, статья была короткой. «Ряд сей крепим Велесом. Кто именем его солжёт, тот вне ряда».

— А как проверяется ложная клятва? — спросила Вера. — Свидетелями? Документами?

Фома посмотрел на неё с жалостью, как на ребёнка, который спрашивает, почему снег холодный.

— Никак не проверяется. Велес сам видит. А нечисть чует. От клятвопреступника вся нечисть отворачивается, будто его и нет. Домовой из дому уходит, леший не выводит, вода не держит. Никто его больше не бережёт. Хуже смерти, если подумать.

Вера подумала и решила, что это самый изящный механизм соблюдения договорных обязательств, какой она видела.

* * *

Ночью ей постелили в каморке за писарской. На лавке лежали овчина и стёганое одеяло, и пахло на удивление чисто, сушёными травами. За стеной скрипели чьи-то шаги: тяжёлые, медленные, туда и обратно. Дьяк не спал.

Вера тоже не спала. Она сидела на лавке с самарской папкой на коленях и в свете лучины листала отчёт ООО «Заречье». Это был единственный кусок настоящего мира, который у неё остался. Привычные строки, привычный шрифт.

Строка «Прочие обязательства перед контрагентами». Контрагент: Ряд.

Вера помнила эту сумму до копейки. Она смотрела на неё час перед тем, как уснуть.

Теперь сумма была больше на одну копейку. И последняя цифра была не напечатана, а выведена чернилами, аккуратно, тем самым почерком, которым был переписан Мирный ряд в сенях.

Чернила ещё не высохли.

Глава 3. Лакомка

Торг шумел так, что Вера слышала его ещё от Приказа.

На площади стояли ряды лотков под рогожами. Из железных печек валил пар, и бабы с красными от жара лицами пекли блины с такой скоростью, что любой самарский фастфуд позавидовал бы. У колокольни стоял столб с сапогами на макушке, и по нему лезли парни без тулупов. В центре площади над толпой возвышалось чучело Масленицы в расписном платке. У него было круглое соломенное лицо и выражение человека, который знает, чем всё закончится в воскресенье.

— Лакомка, — счастливо сказал Фома с двумя блинами в каждой руке. — Нынче всем есть велено. А завтра Разгуляй, тогда и кулачный бой будет, и сани с горы. Вы сани любите, сударыня?

— Я люблю, когда всё на своих местах, — честно ответила Вера.

Фома подумал и сунул ей блин. Блин был со сметаной и настолько хорош, что Вера на минуту забыла и про Самару, и про копейку, и про жёлтые глаза, которые наблюдали за ней вчера из окна.

У дальнего края площади играли скоморохи: гудок, бубен, медведь на цепи с сонным видом. Один из скоморохов, чернобровый и гибкий, как лоза, ходил по забору на руках и пел про купца и его молодую жену такое, что толпа ржала, а Фомины уши стали пунцовыми.

— Яков из ватаги, — буркнул Фома. — Они на каждую Масленицу приезжают.

В толпе зрителей Вера заметила молодую женщину в собольей шапке. Она не смеялась. Она смотрела на скомороха так, как смотрят на человека, с которым очень стараются не встречаться взглядом. А потом перевела взгляд — и при виде Саввы Грязнова её лицо застыло.

— Дарья, жена его, — проследил за её взглядом Фома. — Прошлой осенью венчались. Говорят… да мало ли что говорят.

Савва шёл через площадь, как ледокол: шуба нараспашку, здоровался со всеми, на ходу сунул медь нищему. И вдруг остановился.

Перед ним стояла старуха. Маленькая, ниже Веры на голову, кривобокая, в лохмотьях, которые когда-то были платьем, а потом решили стать сетью. Подол у неё был мокрый — в мороз. Из-под платка торчали седые космы, похожие на паклю, и Вера не сразу поняла, что в них путается сухая тина.

Вокруг старухи мгновенно образовалось пустое место, шага на три во все стороны. Совсем как вокруг налогового инспектора на корпоративе.

— Аграфена, — выдохнул Фома и на всякий случай спрятался за Веру. — Кикимора с Костовой топи. Она в город раз в год выходит, и тогда беда.

— Месяц! — скрипучим, как несмазанная прялка, голосом сказала Аграфена и потыкала Савву в живот сухим пальцем. — Месяц очестков не кладёшь! Лён мой где? Рядом положено! Рядом!

— Положу, Аграфена, положу, — Савва попятился, и Вера с удивлением увидела на его лице не страх, а стыд. — Не до тебя сейчас, слышишь? Дела у меня. Плохие дела.

— У всех дела! А у меня прялка стоит! Смотри, Савва… — она прищурилась, и толпа отшатнулась ещё на шаг. — Не кладёшь — сама приду.

Она повернулась и зашагала прочь, оставляя на снегу мокрые следы. Один из них Вера рассмотрела внимательно. След был детского размера, с перепонками между пальцами, как у утки.

За спиной всё равно кто-то сказал вполголоса: «Вот же тварь болотная». Кто-то другой сплюнул через левое плечо.

Вера запомнила обоих.

* * *

Лавка Грязнова была первой от колокольни, как и обещалось, — и самой аккуратной на всём Торгу.

Пучки льна висели вдоль стены ровными рядами, по сортам: серебристый длинный, желтоватый покороче, серый для мешковины. На полках лежали мотки пряжи — льняной и крашеной шерстяной, синей и красной. За прилавком стояла небольшая изразцовая печь, и от неё тянуло сухим тёплым воздухом.

На гвозде у двери висел лист, исписанный столбиками. Вера узнала его раньше, чем прочла. Инвентарная опись. Настоящая, с номерами.

— Дед приучил, — Савва перехватил её взгляд и довольно огладил бороду. — У меня всё посчитано, каждая ложка. Мы, Грязновы, счёт любим. Вот, гляди.

Он снял с крюка безмен, длинный железный стержень с грузом на конце, и ловко взвесил пучок льна. На грузе Вера разглядела выбитые буквы: «С.Г.».

— Клеймёный, — сказала она.

— А как же! И в описи под номером стоит. У нас тут безмены как перчатки: забыл у соседа — не сыщешь. А мой везде узнают. Ну, садись, писарь, садись, Фомка тоже…

Блины у Саввы были с икрой. Фома при виде икры перестал говорить, что само по себе было чудом. Вера ела и наблюдала. Савва говорил громко и много — про цены на лён, про Ростовскую ярмарку, про то, что столичные ничего в льне не смыслят. Но каждый раз, когда хлопала дверь соседней лавки, он на полслове оглядывался. И ещё он ни разу не посмотрел на подоконник, где стояла пустая деревянная плошка.

— Слушай, писарь, — сказал он наконец, уже тише. — Ты ведь бумаги смотришь. Вот скажи мне такую вещь. Если расписка писана в день, когда человека и в городе-то не было…

Дверь открылась. В лавку вошёл сухощавый человек лет сорока, опрятный до невероятности: бородка подстрижена, сапоги сияют, на шубе ни снежинки. Он насвистывал что-то лёгкое и привязчивое, так, как насвистывают люди, которые сами этого не замечают.

— Не свисти в лавке, Кузьма! — рявкнул Савва так, что Фома подавился блином. — Сколько раз говорено! Домового мне высвищешь.

— Привычка, Саввушка, привычка. Извиняй.

Он улыбнулся, и улыбка у него оказалась тёплая, как у любимого учителя. Потом повернулся к Вере и поклонился — не по-старинному, в пояс, а чуть, с вежливым интересом.

— Кузьма Лыков, компаньон вот этого грубияна. Наслышан, наслышан. Весь Торг уже знает, как столичный писарь Ерёму на заставе счёту учил. Давно пора, давно пора.

Вера поблагодарила. Лыков ей понравился, и это её слегка расстроило. Опыт подсказывал, что люди, которые нравятся аудитору с первой минуты, обычно знают, что делают.

— Про Ростов-то ты подумал, Кузьма? — глухо спросил Савва, не поднимая глаз.

— Подумал, Саввушка. После Масленицы потолкуем, по-доброму, по-свойски. В праздник дел не делают. Да и не при гостях же.

Он снова поклонился Вере, кивнул Фоме и вышел. За дверью его свист тут же возобновился и стал удаляться.

Савва долго смотрел на закрытую дверь. Потом сам собой, без всякой связи с разговором, наложил в миску каши, поставил её за печь и буркнул: «Не сердись, Сусек».

— Приходи завтра поутру, писарь, — сказал он, не оборачиваясь. — Одна. Покажу тебе одну бумагу, а ты мне скажешь, как это по-вашему, по-столичному, называется. А потом пойдём к дьяку.

На пороге Вера оглянулась. Пустая плошка на подоконнике так и осталась пустой.

* * *

Ночью Вера проснулась от того, что в писарской что-то тяжело стукнуло о стол.

Она вышла с лучиной, кутаясь в овчину. На её столе, прямо поверх реестра входящих, лежала толстая книга в кожаном переплёте. Та самая, которую Тихон днём прижимал к животу. Рядом стояла пустая, дочиста выскобленная миска.

— Соли было в самый раз, — сообщил из темноты скрипучий голос.

Вера посмотрела на тёмный угол за печью. Там ничего не было, кроме двух точек, которые отражали огонёк лучины.

— Спасибо, Афанасий Иванович, — сказала она.

Точки мигнули и исчезли. Вера села и открыла книгу.

Книга дани была устроена просто, и слава богу. На левой стороне разворота «принято от посада»: куры, масло, каша, лён, рубахи для русалок. На правой «отдано хозяевам»: столько-то водяному, столько-то лешему, столько-то на болото. Внизу каждой страницы стоял итог, в конце года — годовой. И год за годом левая сторона равнялась правой. Ни одной помарки.

Вера не стала смотреть на итоги. Итоги пишет тот, кто ведёт книгу, и такими, какие ему нужны. Она взяла чистый лист, выбрала одну строку — «лён чёсаный, очестки, на болото» — и пошла по ней назад, лист за листом, складывая в столбик каждую отдельную запись.

За прошлый год по итогу выходило двенадцать пудов. По записям — девять.

За позапрошлый: двенадцать и девять с половиной.

За тот, что до него: двенадцать и десять.

Вера перелистнула ещё и ещё. На какой-то странице почерк сменился. Вместо круглого и старательного, как у первоклассника, пошёл угловатый и быстрый. Десять лет назад, как и сказал Тихон. Расхождение стало меньше, но не исчезло. Оно тянулось дальше, в чужой почерк, в глубь лет, тоненькой ровной ниткой, как пряжа с веретена.

Кто-то из года в год записывал в итог больше, чем отдавал. Немного. Аккуратно. Не до конца.

Вера положила перо. Столбик цифр на её листе выглядел так же, как строка «Ряд» в самарском отчёте: долг, который растёт по чуть-чуть и который кто-то прячет.

У Аграфены с Костовой топи двадцать лет подряд воровали лён.

И не только у неё. Вера провела пальцем по соседним строкам: водяному, лешему, русалкам. Проверять их сейчас не было сил, но предчувствие у неё было то самое, профессиональное, которое ни разу её не подвело.

За стеной снова скрипнули тяжёлые шаги. Дьяк не спал и эту ночь. Вера подумала, не постучаться ли к нему. Потом представила жёлтые глаза и вопрос «а кто тебе дал книгу?» — и решила не спешить. Савва звал её поутру. У Саввы была какая-то бумага. Сначала — факты, потом — начальство.

Она заснула тут же, за столом, сама не заметив как, — уже второй раз над чужими книгами.

Разбудил её колокол. Не заутренний, размеренный, а частый, сбивчивый, тревожный. За окном едва серело. Со стороны Торга бежали люди, и чей-то высокий голос раздирал морозный воздух:

— Убили! Грязнова убили! Кикимора удушила!

Глава 4. Разгуляй

Вера бежала к Торгу в офисных ботильонах по укатанному снегу, и в голове у неё стучала одна мысль: «Приходи поутру». Утро уже наступило. Она не опоздала. Просто тот, кто её звал, уже не мог её ждать.

У лавки Грязнова стояла толпа, плотная и притихшая. Вчера на этом месте смеялись над скоморохами. Сегодня люди молчали, крестились и придвигались ближе к двери, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Чучело Масленицы в центре площади по-прежнему улыбалось. Вере вдруг захотелось чем-нибудь накрыть эту улыбку.

На крыльце сидел парень лет двадцати с белым лицом и не мог замолчать.

— Я как всегда… Я ж как всегда пришёл, чтоб печь топить. Дверь не заперта. А он там… И ларец пустой! Деньги пропали! Это она забрала, тварь болотная, всё забрала!

— Митька, приказчик, — шепнул Фома. Он догнал Веру у самой площади и теперь дышал так, что изо рта шёл пар. — Он у Саввы третий год служит.

Вера отметила про себя: человек только что нашёл хозяина мёртвым, а первым делом сообщает про деньги. Причём трижды. Так говорят не те, кто убивает. Так говорят те, кому есть что списать.

Толпа вдруг расступилась, словно вода перед лодкой. Ярослав Волков прошёл к крыльцу без тулупа, в одном кафтане, словно мороза для него не существовало. На Веру он не посмотрел. Она шагнула за ним на крыльцо, и дьяк остановился в дверях, перегородив ей дорогу.

— Тебе туда не надо.

— Она писарь! — вмешался Фома с храбростью отчаяния. — Писарю положено записывать!

— Он меня вчера на сегодня приглашал, — сказала Вера тихо, чтобы слышал только он. — Хотел показать какую-то бумагу. И потом идти к вам.

Жёлтые глаза наконец остановились на ней. Ноздри дрогнули. Секунду помедлив — видимо, не чуял лжи, — он посторонился.

В лавке было холодно: печь погасла ночью. На полу валялись веретёна, восемь или десять. Ровные ряды льна на стене были не тронуты, а полки с пряжей зияли прорехами.

Савва лежал у прилавка, лицом вниз, и весь был опутан нитями — синими и красными, крест-накрест, как муха в паутине. Нити перетягивали руки, ноги, шею. Лисья шуба была расстёгнута.

Вера видела мёртвых дважды в жизни: бабушку в гробу и соседа, которого выносили санитары. Она ждала, что ей станет дурно. Стало другое: тихо и очень зло. Вчера этот человек кормил её блинами с икрой и хвастался, что у него всё учтено, каждая ложка.

Она достала из кармана стикеры, самарские жёлтые стикеры, и ручку. Руки не дрожали. Когда не знаешь, что делать, записывай.

* * *

Сторож с Торга, Ерофей, был стар и глуховат. Оттого рассказывал он на всю площадь, и к третьему разу его историю знал весь Торг.

— Во втором часу ночи это было. Иду я, значит, с колотушкой. Слышу — стук. Не в дверь, а в окошко, мелко так… Гляжу — у окна Грязнова маленькая, горбатая, в лохмотьях. И пальцем так: тук-тук, тук-тук. Аграфена, кто ж ещё. Я перекрестился — и в будку. А что? Я ж не дьяк, с нечистью толковать.

— Сама вчера сказала: «сама приду»! — крикнул кто-то из толпы. — При всех же сказала!

— И пришла!

— И пряжей его, и пряжей…

Толпа загудела так, как гудит очередь, когда окошко закрывается на обед. Вера знала этот звук: слов в нём уже не разобрать, и ничего хорошего он не обещает.

Сквозь толпу протиснулись двое. Первым шёл грузный старик в собольей шубе до пят и с посохом, который ему явно был не нужен. Фома подсказал: Ферапонт Хрипунов, староста купеческой гильдии. За ним шёл Кузьма Лыков, без шапки, с красными глазами.

Лыков заглянул в лавку и пошатнулся. Потом стал стаскивать с плеч шубу, словно собирался накрыть ею тело.

— Не трогать, — сказал Ярослав, не повышая голоса.

Лыков замер, потом кивнул и отступил, прижимая шубу к груди.

— Прости, дьяк. Не подумал. Мы с ним двадцать лет… — он не договорил. — Вчера повздорили мы с ним. И вот не помирились.

Вера видела, как толпа сочувственно вздохнула. Она и сама ему сочувствовала. Искренне, без задних мыслей.

Последней пришла Дарья. В той же собольей шапке, без платка, с лицом белым и совершенно сухим. Толпа затихла и жадно уставилась на неё, ожидая слёз. Слёз не было.

— Он мучился? — спросила она у Ярослава. Только это, и больше ничего.

— Не знаю, — сказал дьяк.

Дарья кивнула и отошла в сторону. За её спиной тут же зашептались: «И слезинки не уронила…» — «Да она ж за деньги шла…» — «А где она ночью-то была?..»

Хрипунов встал на нижнюю ступеньку крыльца, чтобы все видели. И стукнул посохом.

— Дьяк! Гильдия бьёт челом. Нечисть убила человека ряду вопреки. По статье шестой требуем: кикимору Аграфену изгнать, а болото Костовую топь отдать посаду!

— Вот, вот, всё тут записано, — из толпы вынырнул запыхавшийся Тихон и сунул дьяку свиток. — Челобитная. По форме, по форме…

Вера заглянула через локоть Ярослава. Челобитная была на два листа, чистым почерком, со ссылками на статьи, с описанием границ болота до каждой кочки. С таким текстом арбитражный суд принял бы иск без единого замечания. С того момента, как ударил колокол, не прошло и часа.

Вера много лет проверяла чужие документы и знала: за час написать такую бумагу нельзя. Её можно только достать из ящика, где она давно лежала и ждала.

* * *

Ярослав читал челобитную долго. Толпа ждала. Хрипунов ждал, опираясь на бесполезный посох. Тихон ждал и потирал руки, то ли от холода, то ли от чего-то ещё.

Наконец дьяк свернул свиток.

— Приказ челобитную принимает, — сказал он. Голос у него был негромкий, но слышали его, кажется, и на колокольне. — По статье девятой — три дня. До заката в воскресенье. До того к болоту никто не ходит. Кто пойдёт, будет говорить со мной.

Он не сказал, что именно будет в этом разговоре. Никто не спросил.

— Три дня, дьяк, — Хрипунов довольно кивнул. — В Прощёное воскресенье, значит. А там уж как ряд велит.

— Чучело жечь будем, — сказал кто-то в толпе, вроде бы совсем про другое. — Ага. И чучело, и не только…

Пока толпа расходилась, Вера считала. Сегодня четверг, утро. Закат в воскресенье — часов через восемьдесят. Вычесть сон, и останется шестьдесят. Шестьдесят часов на аудит дела об убийстве в мире, где нет ни полиции, ни экспертизы, ни даже калькулятора. За такие сроки она брала с клиентов двойную цену.

В лавке остались только они двое. Фома стоял на крыльце и никого не пускал.

Ярослав прошёлся вдоль полок, медленно, поворачивая голову. Остановился над телом. Потом у прилавка. Потом опять над телом.

— Мёд, — сказал он наконец.

— Что?

— Пахнет мёдом. Хмельным, варёным. И ещё… — он поморщился. — Железом.

Вера оглядела лавку. На прилавке ничего не стояло. Ни кувшина, ни кружки. Пол под прилавком тоже был чист.

— А кикиморой? — спросила она. — Болотом, тиной?

Ярослав посмотрел на неё так, словно впервые заметил, что она умеет думать. Впечатление Вера производить умела, и не всегда оно было приятно.

— У окна. Снаружи, — сказал он. И не добавил, что внутри нет. Она поняла это сама.

Дьяк достал из-за пазухи сложенный лист и протянул ей. Это была опись с гвоздя у двери. Когда он успел её снять, Вера не заметила.

— Савва всё считал, — сказал Ярослав. — Ты тоже считаешь. Я видел твои столбцы в писарской. Перепиши всё, что тут есть. Всё, до ложки. И скажи мне, чего не хватает.

Он вышел. Вера постояла над листом. Впервые за три дня ей поручили дело, которое она умела делать лучше всех в этом мире.

Перед тем как начать, она ещё раз обвела взглядом прилавок, полки, тело в цветной паутине. Савва хотел показать ей бумагу. Бумаги не было нигде.

На подоконнике стояла пустая деревянная плошка. За окном улыбалось чучело Масленицы.

Через три дня в Заречье будут жечь чучело. Вера очень надеялась, что только его.

Глава 5. Опись

Инвентаризацию Вера начинала всегда одинаково: с плана.

На чистом листе она нарисовала лавку сверху: дверь, окно, печь, прилавок, три стены полок. Потом расчертила его на квадраты, как склад стройматериалов в Новокуйбышевске, где она когда-то нашла недостачу в триста тонн цемента. Цемент потом нашли на даче директора. Всю дачу, целиком.

— Зачем клетки? — шёпотом спросил Фома. В лавке он говорил только шёпотом и старался не смотреть на прилавок.

— Чтобы ничего не пропустить. Человек смотрит туда, куда его тянет. А тянет его туда, куда его тянут. Клеткам всё равно.

Фома над этим долго думал и, кажется, проникся.

Они шли клетка за клеткой. Вера называла, Фома подсказывал, как тут называется то или другое. Лист заполнялся строчками.

Лён чёсаный, серебристый, в пучках — сорок два. Не тронут.

Лён короткий, желтоватый — тридцать. Не тронут.

Пряжа льняная, белёная, в мотках — двадцать пять. Не тронута.

Пряжа шерстяная, крашеная, синяя и красная — на полке девять мотков, пропусков на полке семь. Раскручена, на теле.

Вера перечитала строчки и подчеркнула последнюю. В лавке были пуды льна и льняной пряжи. Тот, кто опутывал Савву, взял с полки красную и синюю шерсть. Самую дорогую. Самую заметную. Так оформляют витрину.

Веретёна — девять, на полу, раскиданы. Откуда?

— С верхней полки, — сказал Фома и показал на пустую корзину под потолком. — Новые, на продажу. Их тут с лавки только и достанешь. Низкорослому не дотянуться.

Вера представила Аграфену — ниже её самой на голову — взбирающейся на лавку за веретёнами, и поставила рядом со строчкой вопросительный знак. Нечисть, возможно, умела летать. Она пока не знала.

Потом был прилавок. На нём стояла чернильница, открытая, с засохшей коркой по краю. Рядом лежало перо с чёрным кончиком и стояла песочница. Савва писал вечером. И писал немало: песка в песочнице осталось на дне, а на прилавке лежала тонкая серая сыпь.

Сыпь лежала ровно, только посередине виделся чистый прямоугольник, с две ладони длиной. На этом месте что-то лежало, пока песок сыпался. А потом его убрали.

— Фома, — сказала Вера. — У Саввы была книга? Куда он записывал, что продал, что купил?

— Расходная, — уверенно сказал Фома. — Кожаная, с застёжкой. Он с ней на торгу всегда ходил, как поп с евангелием. Без неё его никто и не видал.

Кожаной книги с застёжкой не было ни на прилавке, ни под ним, ни на полках, ни в ларце, ни в печи. Вера проверила всё по клеткам.

Она записала ещё одну строку и на этот раз не стала ставить вопросительный знак.

Книга расходная — нет.

Кикиморам книги не нужны. Книги нужны тем, кто в них записан.

* * *

К полудню Ярослав вернулся не один. За ним, переваливаясь, шла широкая старуха в чёрном платке, с узлом под мышкой и лицом человека, которого больше ничем не удивить.

— Матрёна, — шепнул Фома. — Обмывальщица. Она всех покойников в Заречье сорок лет собирает. И всех знает. По тому, как лежат.

Матрёна перекрестилась на угол, потом на Савву, потом, подумав, на Веру. И опустилась на колени.

Нити она разрезала ножницами из узла. Вера велела Фоме собрать их, не смешивая: синие отдельно, красные отдельно. Фома собирал с таким лицом, будто нити могли в любой момент обвиться и вокруг него.

Вдвоём с Ярославом Матрёна перевернула тело.

Лицо у Саввы было спокойное, почти удивлённое. А над левым виском волосы слиплись в тёмную корку.

Матрёна раздвинула их пальцами, деловито, как раскрывают книгу. Потом осмотрела шею: повернула её туда, сюда, заглянула за ворот.

— Не душили, — сказала она наконец. Голос у неё был низкий и неторопливый. — У удавленных глаза не такие, и на шее след остаётся. А тут нитки на мёртвого мотали. Сверху, как на катушку. Пришибли его, дьяк. Раз — и всё. Чем-то тяжёлым и узким. Не обухом: от обуха след плоский. А тут будто кулаком железным.

Вера записала «тяжёлым и узким» и подчеркнула дважды.

— Кикимора так может? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.